

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ДЕБЮТ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 42—54.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0105

Трансформация образа внешней политики Австро-Венгрии в журнале «Вестник Европы» (1867—1914)

Р. Р. Хасанов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

Крупнейший российский «толстый» журнал «Вестник Европы» содержит очень многочисленные сведения о европейской политике. Именно поэтому автор обращается к его материалам, подробно исследуя эволюцию образа внешней политики двуединой монархии. Предложена подробная периодизация. Трансформация представлений на протяжении 50 лет приобретала весьма неожиданные повороты. Так, в разные периоды времени высказывались кардинально разные мнения по вопросу об эффективности внешней политики Австрии, о ее самостоятельности. Высказывались противоположные оценки деятельности австрийских министров иностранных дел, по-разному оценивали и характер взаимодействия дунайской монархии с Россией. Элементы образа, который мы увидим к началу 1914 г., в основном оформились в 1888—1900 гг., хотя и прошли существенную трансформацию в 1900-е. В статье показано, что представления о внешней политике Австрии в журнале проходили трансформацию по иному пути в сравнении с внутренней.

Ключевые слова: *Вестник Европы, Австро-Венгрия, «толстый» журнал, внешняя политика, имагология.*

В «Вестник Европы» — российском «толстом» журнале умеренно-либерального направления, существовавшем в 1866—1918 гг. много писали о европейской политике вообще, а в частности — австрийским действиям на внешнеполитической арене и российско-австрийским отношениям. Из всех российских журналов в «Вестнике Европы» эти сюжеты рассматривались чаще всего. К тому же, это объемный источник — ежегодно выходило по 12 томов (до 500 страниц каждый). Поэтому он является важным источником по целому ряду вопросов, одним из которых является восприятие австрийской внешней политике в российской мысли.

Наша главная задача — реконструировать из многочисленных, но слабо связанных между собой и в чем-то противоречащих друг другу публикаций «Вестника Европы» трансформацию образа австро-венгерской внешней политики, вписывая ее в общий исторический контекст. Следует заметить, что воззрения авторов журнала на австрийскую внешнюю политику отличались меньшей противоречивостью, чем в случае с внутренней политикой.

Можно выделить несколько факторов, влиявших на картину положения Австрии в международных отношениях, вытекающую из публикаций журнала. Она менялась в зависимости от оценки действий руководителя австрийской внешней политики. Помимо фактора личности министра иностранных дел значима была проблема само-

стоятельности австрийской внешней политики, которая была тесно связана с первым фактором, а также фактором влияния Германии на Австро-Венгрию. Проблема самостоятельности была связана с оценкой внешнеполитических действий Австро-Венгрии на разных их направлениях.

Потерпевшая поражение в войне с Пруссией 1866 г. Австрия вступила на путь реформ, важнейшим из творцов которой «Вестник Европы» счел графа Бойста, министра иностранных дел и министр-президента в 1866—1871 гг. Его, одного из инициаторов дуалистического соглашения, в журнале называли «главным двигателем, если не виновником возрождения Австрии» [Ежемесячная хроника, 1867, № 8, с. 858].

Его внешнюю политику в журнале расценивали как очень активную и постоянно привлекающую внимание Европы [Политика Австрии, 1869, № 10, с. 907]. При этом из материалов журнала следует определенная противоречивость его внешней политики. Бойст говорил, что Австрия «отказалась от германской будущности», то есть отказалась от притязаний на объединение Германии [Ежемесячная хроника, 1868, № 9, с. 404], в ноябре 1869 г. «Вестник Европы» напишет о поездке наследного прусского принца в Вену и заявит о сближении Австрии и Пруссии, превращении их отношений в «самые дружеские, по крайней мере по наружности» [ИО, 1869, № 11, с. 420]. Переговоры между Бойстом и Бисмарком в Гастейне 1871 г. журнал расценил как предвестник заключения Германией

союза с Австрией, причины которого объясняли тем, что Германии нужна почва для мирных завоеваний немецкой культуры, и через Австрию, где немецкое меньшинство удерживает «все промышленные силы» Германия сможет усилить свои позиции на нижнем Дунае [ИО, 1871, № 9, с. 451].

Но при этом сообщается о действиях Бойста антипрусского характера. За месяц до сообщения о сближении Австрии и Пруссии, в октябре 1869 . будет говориться о раздражении в переписке между графом Бойстом и прусским дипломатом Германом фон Тиле¹ [Политика Австрии, 1869, с. 908], а когда Бойст уже выйдет в отставку, особенное внимание уделяют тому, что он, назначенный послом в Великобританию, по дороге в Лондон заедет к тем германским дворам, где не было восторгов по поводу объединения, а после этого посетит Версаль. Это расценивалось как действия, специально направленные на раздражение Германии [ИО, 1872, № 1, с. 366].

Такое противоречивое описание внешней политики Бойста кажется нам отражающим историческую реальность его внешнеполитической позиции. В своих мемуарах Бисмарк поставил его в ряд австрийских государственных деятелей, проводивших враждебную политику по отношению к Пруссии [Бисмарк, 1940, т. 2, с. 227]. «Антипрусскость» его политики состояла в том, что его федералистский проект объединения Германии с сохранением в ней Австрии противоречил младогерманскому пути Бисмарка [Барахова, 1995, с. 111]. Но в условиях победы Пруссии в войне с Францией для Австрии была потеряна возможность взять реванш за поражение 1866 г. в союзе с Парижем. И несмотря на это, уже как посол Бойст пытался продемонстрировать свою внешнеполитическую позицию по отношению к германскому вопросу рядом жестов, которые были отражены в сообщении «Вестника Европы» 1872 г.

В 1871 г. Бойст получил отставку с постов министра иностранных дел империи и председателя Совета министров Цислейтании. Эту отставку в «Вестнике Европы» связали с тем, что при попытке министр-президента Цислейтании гр. Гогенварта заключить соглашение с чехами об их положении в Дунайской монархии Бойст стал критиковать план этой попытки только после того, как Венгрия и ее премьер-министр Д. Андраши выступили против плана, а на этапе обсуждений программы Гогенварта в частном порядке не выступил против нее [ИО, 1871, № 12,

¹ Фон Тиле назван в сообщении «Вестника Европы» министром, однако таковым он станет только в 1871 г., сейчас же он занимает пост второго секретаря в министерстве иностранных дел Пруссии.

с. 865]. Писали также о кознях некоего придворного военно-клерикального кружка, который якобы не принимал Бойста как саксонца, лютеранина и противника конкордата Австрии с Римом.

Пост министра иностранных дел теперь занял Андраши. «Вестник Европы» писал о том, что Бойст и Андраши очень разные политики по образу действия. Андраши идет к своей цели прямо, а Бойст любит действовать окольными путями и «едва ли даже не слишком хитер» [ИО, 1872, № 1, с. 366].

Образ политики Андраши существенно отличается от такового у Бойста. В журнале говорилось, что при слабости Франции «Австрия не может следовать иной политике, как политике подчиненности по отношению к Германии». При этом, однако, говорили, что только Андраши сможет в силу поддержки Венгрии не превращаться в подчиненного Бисмарка [ИО, 1872, № 1, с. 367].

С этого времени можно говорить об установлении нового образа австрийской внешней политики, который в целом будет сохраняться вплоть до отставки Андраши в 1879 г. Все сообщения о внешней политике Австро-Венгрии в журнале в период его министерства будут вписываться в картину неполной подчиненности Вены проектам Германии.

Теперь внешняя политика дунайской монархии переориентировалась на Балканы. Первольф писал о том, что на Востоке Австрия стремится возместить утраченное в Германии и Италии [Первольф, 1877, № 10, с. 785]. Новые экспансионистские устремления Австро-Венгрии в «Вестнике Европы» подчеркивали словами Франца-Иосифа при его инаугурации как венгерского короля: он обещал не уменьшить, но увеличить границы Венгрии [Первольф, 1877, № 9, с. 399]. За 2 года до оккупации Боснии и Герцеговины было высказано опасение, что Австрия может постараться занять Сербию [Несколько слов, 1876, № 10, с. 892].

Была актуализирована проблема турецкого *status quo*, которую в «Вестнике Европы» будут очень активно обсуждать в 1890-е и 1900-е: высказывали мнение, что интересы России и Австрии на Балканах противоположны в силу восходящей к внешней политике Меттерниха и Штадиона идеи о том, что Австрия должна стремиться сохранить целостность Османской империи [Современная политическая..., 1876, № 6, с. 835].

Несмотря на это, «Вестник Европы» отказывается воспринимать Австро-Венгрию «как абсолютного врага» [Пыпин, 1878, № 10, с. 761—762]. На наш взгляд, это связано с двумя причинами. Во-первых, авторы журнала в принципе стремятся выступать против эскалации новых внешне-

политических конфликтов. Во-вторых, сыграло свою роль стремление высказать точку зрения, противоположную славянофильской.

В 1878 г. австрийские войска вошли в Боснию и Герцеговину. Именно сложностями, вызванными оккупацией, а отчасти стремлением министра иностранных дел поставить венгерские интересы выше общеимперских объяснили отставку Андраши в сентябре 1879 г. [Австро-венгерские дела, 1879, № 9, с. 448].

Крайне важным нам кажется то, что смена министра иностранных дел на этот раз не повлияла на трансформацию образа австрийской внешней политики. Более того, в томах журнала практически ничего не сказано о Хаймерле, австрийском министре иностранных дел в 1879—1881 гг. Это свидетельствует о снижении роли личностного начала в восприятии внешней политики Австрии и намекает на дальнейшее подчинение ее Германии: в самостоятельной внешней политике личности, ее возглавляющие, уже не столь важны.

Тем не менее это именно намек. Период 1879—1882 гг. представляется нам переходным: в это время восприятие австрийской внешней политики плавно меняется. К декабрю 1882 г. ее будут понимать как практически полностью подконтрольную Германии. До этого момента будут встречаться как остатки старого образа, так и элементы нового.

Оценивая результаты русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Берлинского конгресса 1878 г., «Вестник Европы» заключает, что именно Австрия извлекла из этого конфликта наибольшую выгоду, несмотря на неучастие в военных действиях. «Австрия — солнце, вокруг которого принуждены обращаться политические тела меньшего объема — Черногория, Сербия, Болгария и Румыния» [Восточная политика, 1881, № 12, с. 891]. Вопреки славянофилам, считавшим этот факт проявлением русофобии со стороны правительств балканских стран, «Вестник Европы» писал о том, что у молодых стран просто не было иного выхода. Более того, в «Вестнике Европы» писали о том, что Австрия показывала решимость противодействовать решениям Англии, политику которой в консервативных кругах России также оценивали как антирусскую. На основании этого внешнюю политику Австро-Венгрии в журнале еще не считали направленной против Петербурга [Восточная политика, 1881, № 12, с. 892].

При этом Вена предпринимает активные усилия для контроля над Дунаем. Созданное под патронажем Австрии парходное общество почти полностью контролирует дунайскую торговлю, а для закрепления этого превосходства совместно с

Германией и Италией Австро-Венгрия инициирует созыв смешанной комиссии¹ по делам дунайской торговли. Остальные европейские державы во главе с Англией выступили за то, чтобы принципиальные вопросы решала общеевропейская, а не смешанная комиссия.

Такое изложение отражает старые элементы восприятия внешней политики: Австро-Венгрия все еще воспринимается как игрок, сохраняющий активную роль в европейских делах, несмотря на некоторую подчиненность Германии.

Но наше представление о динамике описания внешней политики дунайской монархии не будет верным без учета новых элементов образа. Внешняя политика Австро-Венгрии в изложении «Вестника Европы» становится со временем все более подчиненной Германии.

В начале 1880-х в российской прессе имела место дискуссия о габсбургском панславизме. Представление о нем возникло в славянофильских кругах; считалось, что Австрия и Германия стремятся при поддержке католической церкви создать особый панславизм, направленный на укрепление связей славянства с монархией Габсбургов. Считалось, что эта идеология глубоко враждебна России и направлена на разрушение связей южных и западных славян с Россией и православием.

Сами по себе описания происходящего в Австрии в рамках этого спора больше связаны с внутривнутриполитическими проблемами империи, но в них есть крайне красноречивый момент. В «Политических заметках» апреля 1881 г. в «Вестнике Европы» заметили, что инициатива по созданию австрийского панславизма принадлежит Бисмарку, «который почти насильно навязал его Австрии, толкнул ее на эту дорогу» [Австрия, Германия..., 1881, № 4, с. 855].

Бисмарк впервые появляется как политический деятель, способный навязать Австрии какую-либо идеологическую модель, направляющую империю по определенному внешнеполитическому пути. Теперь, в представлении авторов «Вестника Европы», Германия изменяет Австрию, направляя ее по тем дорогам, которые нужны юному рейху.

Русско-турецкая война была оценена «Вестником Европы» не только как успешная для Австрии как актора международных отношений. Эту войну

¹ В ее состав должны были войти Австро-Венгрия, Сербия, Болгария и Румыния. При равенстве голосов председательствующая Австро-Венгрия имела бы приоритет во всех вопросах, и она нуждалась всего в одном голосе для полного контроля над делами всего Дуная и вынудила бы две другие стороны исполнять даже нежелательные для них требования Вены.

оценили и как выбившую Австрию из игры [Австрия, Германия..., 1881, № 5, с. 425]. Впервые на Балканах произошло что-то, монархии Габсбургов неподконтрольное. Она вынуждена придерживаться неагрессивной политики, поскольку «не имеет сил напасть на кого-либо...» [Австрия, Германия..., 1881, № 5, с. 430].

В 1882 г. интерес к Австро-Венгрии в русском обществе был сосредоточен вокруг восстания в Герцеговине. «Вестник Европы» писал о том, что в описаниях этого восстания смешалось очень многое: интересы России, сочувствие к славянам, «традиционная вражда вообще к Австрии» [Австрия и Балканские..., 1882, № 5, с. 381]. Герцеговинские события оценивались как проявление понимания славянством, что для него опасно устремление Австро-Венгрии «завладеть всем Балканским полуостровом или его частью» [Политика «легкого сердца», 1882, № 3, с. 431—432].

«Вестник Европы» критически отнесся к плану австрийского правительства разрешить учреждение временных чрезвычайных военных судов. Журнал поддержал мнение Монти, одного из далматских депутатов рейхстага, согласно которому суды — это излишняя мера, поскольку инсургентов очень мало и масса населения останется спокойной. Обращали внимание на то, что «венская и немецкая печать» обвиняли Россию в поддержке мятежников.

Для нас очень важно то, что в марте 1882 г. было прямо сказано — «Австрия без согласия и одобрения Германии решительного шага относительно славянства не сделает», а потому нужно смотреть прежде всего на Берлин. Австрия подчиняется Германии, для удержания хоть какого-то веса в европейских делах. Пока ее влияние выгодно Германии, оно будет сохраняться.

Возможно, восстание в Герцеговине стало одним из факторов, изменивших образ внешней политики Вены в сторону представления о большем подчинении Германии. Стало ясно, что продвижение Австро-Венгрии на Балканы не будет проходить гладко, потому усиливалось и ощущение вторичности австрийской политики.

В декабре 1882 г. сказано уже прямо — «Австро-Венгрия — альтер эго Германии в области международных отношений» [ИО, 1882, № 12, с. 915]. Она позволит себе лишь ту политику, какую ей позволит Князь Бисмарк. При этом подчеркивалось, что при сомнительном положении во внешней политике австрийская пресса — самая агрессивная, публицистам ничего не стоит грозить войной России и Италии [ИО, 1882, № 12, с. 916]. Тем самым авторы «Вестника Европы» еще больше подчеркивали бессилие австрийской

внешней политики. Однако, существовало убеждение, что в Европе будет мир — раз русский министр иностранных дел встретился с германским канцлером в Варцине, значит и отношения с Веной будут спокойными.

Вплоть до 1885 г. в «толстом» журнале утверждается представление о полной подчиненности австрийской внешней политики Германии. Изменилось понимание сущности действий Вены на Балканах. Несмотря на декларацию некоторой самостоятельности на Востоке, больше не идет речи об оккупации или присоединении новых балканских территорий. Более того, даже об устойчивом политическом влиянии, с точки зрения авторов «Вестника Европы» речь не идет. Правление даже столь ориентированного на Австрию короля Сербии, как Милан Обренович не считали источником устойчивых политических выгод [ИО, 1884, № 1, с. 406].

Теперь австрийцы используют Балканы как «богатый и почти нетронутый источник торговых выгод и финансовых предприятий» [ИО, 1883, № 3, с. 401]. Несмотря на декларацию того, что коммерческие интересы усиливают политические, собственно политические самостоятельные действия дунайской монархии на Балканах в этот период практически не описываются. Наряду с коммерческим, стали выделять и культурный аспект действий Австро-Венгрии на Балканах [ИО, 1884, № 10, с. 842—843]. При этом зависимость Австрии от Германии переплетается с ее культурным влиянием на Балканах. Сербские элиты воспитываются в основном в германском духе, проникаются уважением в венском культурным элементом и видят в них образцы для устройства общественной и частной жизни [ИО, 1883, № 9, с. 387]. Теперь Австрия воспринимается как держава, превращающаяся в восточную, чья миссия — «насаждать немецкую культуру в турецких землях».

Если же Австрия предпринимает какие-либо политические действия, то их связывают исключительно с влиянием Германии. Под давлением «германской интимной дружбы» венский кабинет полностью утрачивает свободу действий во внешней политике [ИО, 1883, № 11, с. 409]. Союз между Австрией и Германией 1879 г., о котором общественность узнает в 1883 г. [ИО, 1883, № 5, с. 372], был воспринят как лишение Австро-Венгрии даже тени внешнеполитической самостоятельности. Одному из авторов даже показалось, что вся австрийская печать, включая министерскую стыдилась этого союза.

Имевшие место в сентябре 1883 г. основанные на слухах о германско-австрийских переговорах

в Ишле и Зальцбурге рассуждения о возможном создании балканской федерации с Австро-Венгрией во главе также были основаны на представлении о главенстве интересов Германии. Считалось, что Сербия может обеспечить себе надежное будущее в Европе, если будет находиться в сфере влияния Австро-Венгрии только потому, что союз с Австрией равносителен союзу с Германией [ИО, 1883, № 9, с. 387].

Характерно, что личность австрийского министра иностранных дел начинает вновь часто фигурировать в журнале. Однако Г. Кальноки, занимавшего пост в 1881—1895 гг., будут пока что воспринимать как дипломата, не способного на какую-либо смелую комбинацию или новую стратегическую схему [ИО, 1885, № 9, с. 376]. Поэтому описание личности министра — лишь дополнительный штрих к картине вторичности австрийской внешней политики.

Смелые заявления графа Кальноки в октябре 1883 г. о том, что в случае конфликта Австрия будет не одна были восприняты «Вестником Европы» как ошибочные, поскольку Германия не стала бы защищать Австрию просто так, и защита закончилась бы лишь потерей Австрией части владений, только благодаря союзнику, а не противнику [ИО, 1885, № 11, с. 411—412]. В 1884 г. на проблему взглянули глубже — чьи интересы предстояло бы отстаивать Австрии в будущем конфликте? Германия, как руководящая внешними политиками обеих империй сторона использовала бы Австро-Венгрию для борьбы со своими врагами, т. е. с Францией, которой Австрия симпатизирует [ИО, 1884, № 11, с. 406].

Теперь Австрия всегда вынуждена выжидать. Вене приходится менять отношение к той или иной державе в зависимости от отношения к ней Берлина. Приезд к Бисмарку русского министра воспринимается как сближение и с Австрией, а Франц-Иосиф посещает итальянского короля после германского кронпринца. Австрийцы должны сближаться с Италией, потому что с ней сближается Германия. Отношения с Россией постоянно меняются — то теплее, то холоднее, и это вызвано «переменой ветра из Фридрихсруэ» [ИО, 1884, № 1, с. 407].

Австрийскую печать продолжают воспринимать как воинственную по отношению к России вплоть до марта 1884 г., когда «призраки войны» исчезли [ИО, 1884, № 3, с. 384]. Продление Лиги трех императоров в этом году было воспринято как присоединение России «к миролюбивым стремлениям обеих империй... без всякого письменного договора» [ИО, 1884, № 11, с. 405]. Подчеркивалось, что отношение к России венгерской части

дунайской монархии существенно хуже в сравнении с землями, включенными в Цислейтанию. Тем не менее, к январю 1885 г. установилось представление о том, что Австро-Венгрия ладит со всеми [ИО, 1885, № 1, с. 408].

Несмотря на все это, «Вестник Европы» считает внешнюю политику Австрии интересной для всех, поскольку она находится между Востоком и Западом, а еще — в связи с ростом популярности теории об антагонизме славянских и германских народов [Рабочий вопрос, 1883, № 7, с. 305—306], Востоком и Западом.

Многие элементы этого образа вторичности внешней политики Австро-Венгрии начнут менять свое содержание с 1885 г., хотя говорить о резкой трансформации не приходится — представление о подчиненности политики Вены Германии будет нивелироваться медленно, до конца полностью не исчезая.

На первый взгляд, ничего не меняется. В журнале продолжают писать о том, что венская дипломатия управляется Берлином и не играет самостоятельной роли в глобальных вопросах. Положительно действовать она может лишь в рамках малого круга интересов [ИО, 1885, № 9, с. 376].

Имеет значение уже факт признания наличия какого-то круга, где Вена может действовать самостоятельно. До этого же мы видели Австрию, которая полностью управляема. Очень важно то, что объяснение осторожности венской стратегии теперь выводится не из воли Германии, а из того, что в империи, где сосуществует масса противоречивых интересов разных народов просто невозможно выработать активную политику. Хотя она и не опасна в мирное время, она может эффективно воспользоваться конфликтами, в которых сама не участвует [ИО, 1885, № 9, с. 377].

На протяжении последующих лет образ внешней политики Австро-Венгрии будет плавно меняться в сторону признания ее большей активности и эффективности. Практически в каждой новой публикации фиксируется это изменение, но по отдельности каждое изменение не кажется принципиальным.

Культурное и экономическое влияние Австро-Венгрии на Сербию теперь описывается как приносящее политические плоды — в 1885 г. писали, что австрийский главный штаб участвует в развитии сербской армии, а представитель Вены в Белграде влияет на внешние и внутренние дела страны. Более того, теперь признается «сила притяжения, свойственная всякой высшей культуре... по отношению к менее развитому хозяйственному быту» [ИО, 1885, № 12, с. 885]. Доминируют

австрийские биржа, торговля, промышленность. Австрия сумела использовать пассивность России на Балканах для захвата контроля над Болгарией [ИО, 1888, № 1, с. 420]. Только что ставший болгарским князем Фердинанд Баттенберг описывается как человек, привнесший с собой из Вены «австрийских франтов, багаж, поваров и лакеев с блестящими мундирами и вещами» [ИО, 1887, № 9, с. 398].

В марте 1886 г. в журнале прозвучало предположение, что между Австрией и Германией могло произойти некоторое «смущение и недовольство» [ИО, 1886, № 3, с. 412]. Несмотря на то, что роль Австро-Венгрии в европейской политике все еще сводили к «скромной, но не безвыгодной» [ИО, 1887, № 9, с. 394] роли политического спутника Германии, авторы начинают подчеркивать, что Австрия может действовать самостоятельно — хоть и только на Балканах. Связывали эту самостоятельность с тем, что австрийские интересы в этом регионе напрямую не затрагивали германские.

Особенно яркими сторонниками активной внешней политики считались венгерские палаты парламента. Рассматривая речи венгерских депутатов Гельфи и Перчеля, обращали внимание на стремление первого контролировать российские внешнеполитические действия и рвение второго уменьшить количество российских войск у австрийской границы. «Вестник Европы» приходил к выводу о том, что мадьяры движимы шовинизмом¹ [ИО, 1888, № 2, с. 868]. Более того, накаляли обстановку некоторые высказывания министра Кальноки. Призраки войны, на время отступившие в 1884 г. вновь вернутся в 1887 г. Это было связано с болгарским кризисом и последовавшей за ним «военной тревогой». Договор «перестраховки», заключенный в том же году, далеко не сразу поспособствовал успокоению ситуации в прессе. Целые статьи [ИО, 1888, № 3] все еще оказывались посвящены попыткам угадать содержание секретных частей австро-германского договора. И только в июне 1888 г., буквально через несколько месяцев после одной из статей, рассуждавших о возможных сценариях эскалации конфликта в «Вестнике Европы» говорят о том, что опасения война стали настолько частыми, что в них уже просто перестали верить [ИО, 1888, № 6, с. 843].

Для нас важен сам факт того, что образа абсолютно контролируемой австрийской внешней

политики больше нет. Она управляема, но у этого есть предел. Замечали даже, что Германия неспокойна и ищет новых союзников, словно не верит в силу Австрии [ИО, 1887, № 11, с. 404—405]. Получается, что Берлин просто не может делать ставку на контроль политики Вены. Возникает представление, согласно которому произойдет неизбежное ослабление контроля, поскольку большую роль в политике Германии начинают играть отношения с другими державами.

Однако мы не должны думать, что представление о тесной связи двух империй исчезает. Именно этой связью объясняли похожие на германские военные приготовления. Особенно выделяли приезд помощника графа Мольтке — генерала Вальдерзее в Австрию для обследования состояния ее вооруженных сил и активное железнодорожное строительство в монархии Габсбургов [ИО, 1888, № 1, с. 418]. Однажды и вовсе прозвучала точка зрения, согласно которой Австрия может рассчитывать на поддержку Германии почти всегда, поскольку любая серьезная неудача при военном столкновении с Россией была бы истолкована как угроза целостности Дунайской монархии, что привело бы к вступлению Германии в войну [ИО, 1888, № 3, с. 400], поэтому на прямое боевое столкновение Россия не решилась бы, позволяя Австрии действовать ее методами.

Получается, что напрямую Германия на Австрию влияет уже меньше, но сохраняются элементы подчинения, а ее присутствие всегда подбадривает Вену и придает уверенности ее дипломатии. Две империи полностью солидарны во внешней политике, но австрийский образ действия на Балканах воспринимается в журнале как свободный. Более того, Вена извлекает свою вполне реальную политическую и экономическую выгоду. В этом духе трактовали открытие 18 мая 1888 г. железнодорожной линии Белград-Ниш-Салоники. Говорили, что австрийцы распространяют свое экономическое и культурное влияние на Македонию.

Гораздо более глубокая трансформация образа внешней политики Австро-Венгрии связана с изменением политики Германии с восшествием на престол императора Вильгельма II в июне 1888 г. Начинается новый этап в восприятии места Вены в международных отношениях, который продлится до 1896 г.

Вильгельм II правил лишь несколько месяцев, но уже поспособствовал изменению отношения к Тройственному союзу. Свое пребывание на престоле он начал с объезда европейских столиц. «Вестник Европы» описывал неожиданно холодный прием, который ждал императора

¹ Очень показательным то, что авторы «Вестника Европы» избегают обвинений в адрес монархии вообще. Всегда действуют конкретные люди или группы людей в рамках той или иной организации Дунайской монархии, именно их действиями и бывают недовольны.

в Вене. Обыкновенно «очень приветливое и впечатлительное» [ИО, 1888, № 11, с. 435], население Вены воздержалось от привычных дружественных манифестаций. Было заключено, что союз с Германией имеет для Австрии обидный характер, что Габсбурги, еще недавно стоявшие выше Гогенцоллернов, теперь находятся «как бы в вассальной зависимости» от Германии, а австрийские патриоты еще не забыли поражения при Садовой в 1866 г.

Отдельно было описано поведение Вильгельма в австрийской столице. Так, он дал понять, что не одобряет деятельность министр-президента Цислейтании графа Таафе. При обмене тостами с австрийским императором Франц Иосиф назвал германские войска доблестными и славными, Вильгельм II же не сделал аналогичного по отношению к австрийской армии [ИО, 1888, № 11, С. 436].

Казалось бы, союз очень крепок и продолжает развиваться с изменениями, которые можно считать незначительными. Но уже здесь появляются проблемы, вносящие дисгармонию в австрийско-германские отношения. Дальнейшие события продемонстрируют для авторов «Вестника Европы» углубление этих проблем.

В феврале 1889 г. прошел слух, что в случае совместных военных операций австрийские войска будут поставлены под командование прусско-го главного штаба. Узнавшие об этом мадьяры, с которыми «Вестник Европы» продолжал отождествлять¹ [ИО, 1889, № 8, с. 842] ведение активной внешней политики, перестали «видеть в Германии вернейший залог своего процветания и могущества» [ИО, 1889, № 2, с. 860]. Похожую точку зрения имели и славяне.

Трансформация образа австро-германского союза приобретает еще более резкий оборот, когда Бисмарк уходит с поста рейхсканцлера. Описания и союзной, и собственно австрийской внешней политики сильно меняются. Замечают, что о союзе стали меньше писать, в обеих империях обратили наибольшее внимание на внутренние дела [ИО, 1891, № 5, с. 392]. Тронную речь Франца Иосифа в австрийском парламенте оценили как успокоительную со стороны внешней политики.

Было высказано мнение, что венский кабинет потерял в лице Бисмарка сильнейшую опору для своих «обширных и смелых планов» [ИО, 1891, № 11, с. 384] на Востоке и откладывает их на неопределенный срок. Здесь очень интересно про-

¹ В этом вопросе ситуация немного изменится в августе 1889 г., когда венгерские напоминания о необходимости энергичной внешней политике воспримут как формальность, а не руководство к действию.

является образ, актуальный для прошлого этапа трансформации восприятия австрийской политики — Австрия имела свою искусно проводимую в жизнь внешнюю политику с амбициозными планами, но их смелость и энергия во многом зависели от Бисмарка.

Сам творец Рейха и после выхода в отставку оставался значимой политической фигурой. Подробно описывался его визит в Вену с 18 по 25 июня 1892 г. В австрийской столице Бисмарк заявлял о том, что торговый договор Германии с Австрией не в интересах Берлина. Он заметил, что не может ставить в упрек австрийцам, «что они смогли воспользоваться слабостью представителей Германии» [ИО, 1892, № 7, с. 423].

Произнесение подобного на публике неизбежно создавало у авторов журнала определенное впечатление. Теперь австрийцы не должны рассчитывать на берлинскую дипломатию, потому как она сама в некомпетентных руках. И даже может оказаться, что «... в критический момент Германия окажется неумелой и неудачной союзницей для Австро-Венгрии» [ИО, 1892, № 7, с. 424] (курсив мой — Р. Р.)².

Сомнения прокрадываются и в австро-немецкую прессу. Одна из речей графа Кальноки в 1893 г. породила к министру ряд вопросов, смысл которых сводился к возможности перемены Австро-Венгрией политических ориентиров и интересов [ИО, 1893, № 7, с. 396—397]. Уже сам факт прочтения информации о возникновении подобных сомнений говорит о том, что авторы журнала могли увидеть потенциально возникающую внешнеполитическую альтернативу для Австрии.

Образ внешней политики Австро-Венгрии в вопросах, не касающихся Германии, изменился мало. На этом этапе происходит закрепление уже приписанных австрийской политике черт. Укрепилось представление об Австро-Венгрии как «несомненно великой державе» [ИО, 1896, № 1, с. 405], находящейся в союзе, но не в зависимости от Германии. Также имеется достаточно много богатых эпитетами характеристик того, что делает Вена.

Хотя Австро-Венгрия потерпела некоторый политический и экономический ущерб [ИО, 1890, № 1, с. 419] в Сербии из-за отречения Милана Обреновича, считавшегося надежным оплотом австрийского влияния [ИО, 1889, № 4, с. 824—825]³, положение Вены в Болгарии оценивали как

² Особенно поразительно, что всего лишь 4 года назад «Вестник Европы», как мы указали выше, не верил в способность Австрии быть достаточно сильной для Германии.

³ Характерно, что в «Вестнике Европы» говорилось не только о том, что союз с Австрией поставил Сербию

улучшившееся в силу установления при князе Фердинанде правительства Стамболова, ориентированного на Австро-Венгрию. Более того, установившийся в русском обществе интерес к дальневосточным делам [ИО, 1895, № 6, с. 860] приводил к выводу о том, что Вена может захватить финансовое управление Сербии, пока в России про эту страну забыли [ИО, 1895, № 6, с. 866].

«Силой и характерной особенностью Австро-Венгрии», присущей ей издавна (sic!) теперь считают последовательную, согласную с общественным мнением, достигающую поставленных целей внешнюю политику [ИО, 1895, № 6, с. 868]. В большой контраст с предшествующими вступает оценка деятельности Кальноки, в 1895 г. подавшего в отставку из-за скандала о вмешательстве папского нунция Альярди в дела империи. Теперь он расценивается как выдающийся деятель, который, «действуя под влиянием и *отчасти* (курсив мой — Р. Р.) под руководством князя Бисмарка» смог достичь для Австро-Венгрии успешного преследования «определенных положительных целей». Даже его осторожность теперь оценивается не как проявление отсутствия дипломатического таланта, а упоминается наряду с его миролюбием. То, что Австрии удалось без единого выстрела овладеть двумя турецкими провинциями воспринимается как проявление мастерства, а не результат германского влияния, проявившегося в Берлинском договоре [ИО, 1896, № 1, с. 405—406].

Отношения Австрии с Россией продолжают рассматривать в духе естественного антагонизма [ИО, 1894, № 4, с. 852] на Балканах. «Вестник Европы» не устраивает русская политика на Балканах. По этому вопросу согласились даже со славянофилом — Ламанским, что было ранее вообще не характерно для журнала [ИО, 1894, № 12, с. 859]. Политику эту расценивали как слишком авантюристичную и идеалистичную. Русское общество совсем забыло о традиционных балканских проблемах в пользу авантюры. В противовес ставили политику австрийскую, которую описывали как отличающуюся продуманным целеполаганием и умением четко следовать поставленным задачам. Согласно прогнозам «Вестника Европы», австрийцы смогут и дальше расширять влияние в Болгарии при отсутствии русских представителей [ИО, 1895, № 6, с. 867] — а все потому, что балканские дела Россию больше не интересуют.

в культурно-экономическую зависимость от Вены. Он был для Сербии и полезен — благодаря союзу Сербия смогла стать королевством из княжества и стала играть существенную роль на Балканах.

В 1896 г. меняется ситуация в отношениях Австро-Венгрии и России, и это немедленно повлияло на восприятие внешней политики Вены на страницах журнала. Начинается период сближения двух империй, который продолжится до Боснийского кризиса 1908 г. Претерпят трансформацию образы германо-австрийских отношений, роли Тройственного союза и европейской ситуации в целом.

Ранее воспринимавшийся как очень важный в общеевропейской политике Тройственный союз теперь оценивают как «невиннейшую комбинацию, о которой редко приходится вспоминать в печати» [ИО, 1896, № 8, с. 839]. Союз дает о себе знать лишь пару раз в год, во время официальных мероприятий. А чем менее сильным считают Союз, тем более свободной выступает австрийская внешняя политика от германского влияния. Впоследствии, уже в 1902 г. говорили, что в Тройственном союзе Австрия нуждается для гарантии со стороны России и свободы действий на Балканах, но не более того [Возобновленный тройственный..., 1902, № 8, с. 791].

Кроме того, в конце 1890-х гг. изменившимся стали считать и внутреннее содержание франко-русского союза. Теперь он тоже превращается в опору миролюбия [ИО, 1896, № 9, с. 354]. На несколько лет утверждается представление о том, что Европу ожидает мир, а все противоречия будут разрешаться взаимодействием двух лиг.

Журнал следил за улучшением отношений Австро-Венгрии и России. Петербург сделал положительный шаг навстречу Вене, признав принца Фердинанда болгарским князем [ИО, 1896, № 9, с. 353]. Кроме того, Николай II в своем путешествии по Европе, которое монархи традиционно совершали в начале царствования, первой посетил именно Вену. Торжества в Вене 15—17 августа 1896 г. по случаю прибытия императора описывают как особенно сердечные и даже общенародные.

Но улучшение отношений с Австрией означало, на взгляд авторов журнала, принятие точки зрения Вены на балканский вопрос. Еще в июле 1896 г., до появления первых публикаций об улучшении отношений Петербурга и Вены «Вестник Европы» приводил речь нового австрийского министра иностранных дел А. Голуховского, где говорилось, что Россия высказалась в пользу сохранения status quo [ИО, 1896, № 7, с. 430—431]. В прессе опасались, что победа Турции над Грецией в войне 1897 г. нарушит европейское согласие на Балканах, но «Вестник Европы» был уверен, что заявление о дружбе между Австрией и Россией поспособствует стабилизации положения

[ИО, 1897, № 5, с. 369]. В целом с 1896 по 1900 г. «Вестник Европы» положительно воспринимает сближение с Австрией.

Однако ситуация начнет меняться. С 1901 г. начинают критиковать принятие австрийского восприятия балканской проблематики. Приняв идею о *status quo*, российская дипломатия поставила себя в положение ответчика, отдала себя под власть австрийского МИДа и прессы, оценивающей российские действия в ключе невыполнения Петербургом обещанного [ИО, 1901, № 9, с. 394]. Усугубляло ситуацию и то, что в журнале не знали о тексте соглашения [ИО, 1902, № 6, с. 872]¹, заключенного между Россией и Австрией в 1897 г. В журнале из-за этого гадали — что же сдали Австрии, почему ее пресса так реагирует на любое, даже мнимое несоблюдение принципа *status quo*? В 1903 г. говорят уже прямым текстом — не стоит всюду следовать за венским кабинетом [ИО, 1903, № 10, с. 806—809]. Этот образ прочно укоренится вплоть до Боснийского кризиса, хотя в конфликтных ситуациях вроде скандала² о венских японофилах [ИО, 1904, № 5, с. 360—362] журнал занимал примиряющую позицию.

К 1906 г. два представления о российско-австрийских отношениях, характерных для данного периода — о желательности диалога с Австрией, но при этом о необходимости сохранения активной политики на Балканах были соединены воедино. Первенство на Ближнем Востоке перешло от русского к австрийскому влиянию, более системному и устойчивому, но при этом дружба с Россией является для Австрии выгодной [ИО, 1906, № 11, с. 440].

Не все редакционные публикации (которые вроде как должны быть схожи в воззрениях) будут высказывать одинаковый взгляд и по поводу самостоятельности Австрии во внешней политике. Компромиссы Австрии с Россией приведут автора заметки мая 1900 г. к выводу о том, что прежняя

¹ Об этом говорит указание в одной из статей 1902 г. на то, что смысл соглашения 1897 г. «совершенно непонятен». В той же статье была высказана уверенность, что это соглашение передало ситуацию на Балканах под контроль Австрии, хотя оно сводилось лишь к установлению *status quo* и передаче на общеевропейское рассмотрение некоторых проблем, вроде вопроса о проливах.

² Этот скандал произошел в связи с гибелью адмирала Алексеева, когда в одной из русских газет появилось сообщение о том, что якобы японофильские кружки в Вене устроили демонстрации, на которых слишком радовались произошедшему. В австрийском МИДе произошедшее отрицали. Вестник Европы выступил против русской газеты, разместившей сообщение. Имело место мнение, что ее авторы устроили ненужный и бестактный спор.

предприимчивость венской дипломатии исчезла. Более того, говорилось, что Францу-Иосифу теперь нужно признать свою зависимость от Берлина [ИО, 1900, № 5, с. 354]. Но альтернативное мнение было высказано только в этой статье.

В целом представления о самостоятельности и успешности австрийской внешней политики останутся теми же, что и в предшествующий период. Еще в 1897 г. отмечали, что свои политические интересы Вена воплощает «с замечательным искусством» [ИО, 1897, № 12, с. 815]. Австро-Венгрия выражает собственную позицию по критическому вопросу, споря с Англией, выступившей против австрийского предложения блокировать остров [ИО, 1896, № 9, с. 357]. В Болгарии Вена насаживает свою опеку — «придирчивую и суровую» [ИО, 1902, № 6, с. 872].

Когда в 1902 г. в Македонии начался рост недовольства против Османской империи, И. Кашинцев написал письмо из Софии, в котором рассматривал Македонию как объект приложения могущественной силы австрийского культурно-экономического влияния [Кашинцев, 1902, № 9, с. 374]. Австрийцы способствуют созданию новых отраслей в сельском хозяйстве и началу создания местной индустрии, их капиталы и кредитные учреждения проникают на ее территорию. Поэтому Кашинцев считает Австрию «главной опасностью для славян Балканского полуострова». В 1903 г. политику венского кабинета признают руководящей регионом «от имени России и всей Европы» [ИО, 1903, № 5, с. 339].

Австрии якобы не мешают даже внутривосточные кризисы — в международной области она продолжает действовать успешно. Австро-Венгрия считали «наглядным опровержением старого правила», согласно которому «для хорошей внешней политики требуется благополучие во внутренних делах» [ИО, 1904, № 1, с. 385]. Действуя образцово, Австрия преследует свои цели с замечательной настойчивостью и достигает блестящих результатов». Она водворила свое господство в Боснии и Герцеговине, успешно проводит требования в Константинополе, решительно поднимает голос в Белграде и Софии.

Под влиянием русско-японской войны в европейской политике наступило некоторое затишье, о чем писали и в «Вестнике Европы» [ИО, 1905, № 1]. Но неудача на Дальнем Востоке означала возвращение России на Ближний. И уже в мае 1908 г. министру иностранных дел России А. П. Извольскому нужно было выступать перед Госдумой по поводу балканской политики.

«Вестник Европы» оценивал его речь двояко: с одной стороны, говорили, что правительство в

лице Извольского снова оправдывает политику австрийского кабинета — говоря, что русскому обществу просто слишком мало известно о целях политической комбинации с Австро-Венгрией, а если бы больше знали, то все бы поняли. Но с другой стороны, отмечали, что русская дипломатия начинает судить о балканской политике Австро-Венгрии самостоятельно [ИО, 1908, № 1, с. 850] — ведь теперь Извольский выступил против железнодорожных планов Австрии [ИО, 1908, № 5, с. 445].

Некоторое изменение претерпел и образ Тройственного союза, хотя представления о самостоятельности и успешности австрийской внешней политики не изменились. В статье июня 1908 г., посвященной поездке Вильгельма II в Вену, особое внимание уделялось сущности австро-германского союза. Союзников рассматривают как игроков, у каждого из которых есть свои достоинства. Так, в Австрии более развиты либеральные принципы и парламентаризм [ИО, 1908, № 6, с. 867]. Обе империи, однако, имеют схожие политические черты, а их правители вполне могут понимать друг друга даже не договаривая. К тому же, основным содержанием австро-германского союза теперь считают его реакционность, противоположность прогрессу. Это союз двух стран старого сословно-монархического строя, высшие слои которого пропитаны «клерикальными и реакционными тенденциями» [ИО, 1908, № 6, с. 869].

Таким образом, мы видим такое же, как и несколько лет назад, понимание самой австрийской внешней политики, но союз с Германией теперь представляется более прочным, поскольку кроме конкретно политических обстоятельств в «Вестнике Европы» актуализировали идейную связь государств в рамках союза.

Прямая аннексия Боснии и Герцеговины произвела очень яркую реакцию в европейских органах печати. В этой связи особенно удивительно, что в «Вестнике Европы» сложившиеся до ноября 1908 г. элементы образа австрийской внешней политики в целом останутся теми же.

Рассматривая саму аннексию Боснии, «Вестник Европы» говорил о том, что «возбуждение против Австро-Венгрии излишне», поскольку захват де-факто свершился 30 лет назад. Все это время Австро-Венгрия вводила на территориях свои культуру и промышленность, свою финансовую систему [ИО, 1908, № 11, с. 360] и должна была лишь даровать провинциям конституционные учреждения, включая их в состав империи. Вена же совершила ошибку, произведя прямую аннексию и нарушив тем самым Берлинский трактат. При этом говорится, что если бы Австрия ввела на

Балканах местное самоуправление, то никто не стал бы против этого возражать [ИО, 1908, № 11, с. 367—368].

Очень характерно, что определившееся во время периода австро-русского согласия понимание балканской политики авторы «Вестника Европы» были готовы отстаивать. В частности, Л. З. Слонимский, прокомментировавший в журнале работу П. Н. Милюкова о русской балканской политике, предлагал иное понимание и роли Австрии в сложившейся на полуострове ситуации.

Так, Милюков критиковал полную пассивность действий России на Балканах вплоть до 1908 г., говорил о том, что Австрия попрала права балканских славян на Боснию и Герцеговину, делал особый акцент на постыдности и несоответствии правовым категориям австрийской аннексии Боснии [Слонимский, 1910, № 8, с. 358—367].

Слонимский, не споря с тезисом о пассивности России на Балканах до русско-японской войны (в полном соответствии с высказанным ранее в журнале представлением!) говорит о том, что Россия не могла активно воспрепятствовать Австро-Венгрии в 1905—1908 гг., поскольку не имела сил после поражения. Он говорит, что Австро-Венгрия получила право на оккупацию Боснии и Герцеговины еще на встрече Александра II и Франца-Иосифа в Рейхштадте [Слонимский, 1910, № 8, с. 368], поэтому оккупация произошла бы так или иначе, а затем и аннексия. Поэтому дипломатическими средствами выгнать Австрию из этих провинций уже невозможно. Более того, Слонимский говорит, что Милюков отрицательно относится к Австро-Венгрии в принципе, потому что тот стоит на «национальной точке зрения» и указывает на необходимость более беспристрастной оценки австрийской политики.

В 1910—1913 гг. австрийскую политику будут продолжать рассматривать как самостоятельную и успешную. И хотя барона (затем графа) Эренталя, министра иностранных дел, устроившего присоединение Боснии, будут характеризовать как бесталанного дипломата [ИО, 1912, № 3, с. 381—382], ему удастся использовать свое знание России, полученное во время работы в Петербурге. Вене удастся сохранить экономическую зависимость от нее Сербии и других балканских государств [Ковалевский, 1913, № 1, с. 209]. Ее политику характеризуют как коварную закулисную работу [ИО, 1913, № 1, с. 407], именно Австро-Венгрии в 1913 г. отчасти приписывали раскол между Сербией и Болгарией, который приведет к второй Балканской войне. Австрии вновь получится, с точки зрения «Вестника Европы», навязать Европе свое видение балканских

проблем [ИО, 1913, № 7, с. 426]. И это все несмотря на то, что, к примеру, первая Балканская война была для Австрии нежелательна.

Все это указывает нам на то, что к началу 1914 г. в журнале утвердился образ австрийской внешней политики, выработавшийся в 1888—1900 гг. и несколько скорректированный в 1900-е.

Представление о ней прошло долгий путь: от картинок антипрусского Бойста (1866—1871) и талантливого Андраши, подчинившегося Берлину лишь отчасти (1872—1879), плавно, с течением времени (1879—1882) перешли к представлению о полностью подчинившейся и потерявшей всю былую предприимчивость под хваткой Бисмарка политике (1882—1885). Затем внешняя политика Вены медленно и плавно стала оправляться (1885—1888) и высвободилась окончательно после отставки «железного» канцлера, вновь стала очень успешна на Балканах (1888—1897), заключила соглашение с Россией и использовала его в своих целях. От Австрии, антагонистичной России (до 1897 г.) пришли к представлению о необходимости диалога с Веней, затем, однако, от первоначальных восторгов пришли к тому, что следовать во всем за Австрией не стоит (1901—

1906) и что время европейских блоков как лиг мира еще не пришло. Аннексия Боснии в 1908 г. на картину политики Австрии почти не повлияла.

Весьма любопытно то, что трансформация представлений о внешней политике Австрии в журнале имела очень существенные отличия от таковой применительно к внутренней. Так, если в 1880-е гг. прогноз журнала по поводу разрешения внутривнутриполитических проблем империи был в целом позитивным, то в представлениях о внешней политике в это время происходят мощные колебания. И, напротив, если международная деятельность империи «Вестником Европы» оценивалась как эффективная в 1900-е гг., то представления об успешности внутренней активности империи в это десятилетие колеблются.

Надо сказать, что события самого 1914 г. и произошедшую в ходе предвоенных событий и непосредственно самой Первой мировой войны трансформацию представлений об Австрии и ее внешней политике мы рассматривать не будем: накал событий перед войнами и тем более в их ходе всегда порождает принципиально иное понимание действий других участников внешней политики, особенно если они являются противниками.

Список литературы

1. Иностранное обозрение (ИО) «Вестника Европы». 1869. № 10, 11; 1871. № 9, 12; 1872. № 1; 1882. № 12; 1883. № 3, № 5, № 9, № 11; 1884. № 1, № 3, № 9, № 10; 1885. № 1, № 9, № 11, № 12; 1886. № 3; 1887. № 9, № 11; 1888. № 1-3, № 6, № 11; 1889. № 2, № 4, № 8; 1890. № 1; 1891. № 5, № 11; 1892. № 7; 1893. № 7; 1894. № 4, № 12; 1895. № 6; 1896. № 1, № 7-9; 1897. № 5, № 12; 1900. № 5; 1901. № 9; 1902. № 6, № 9; 1903. № 5, № 10; 1904. № 1, № 5; 1905. № 1; 1906. № 11; 1907. № 5, № 6, № 11; 1912. № 3; 1913. № 1, № 7;
2. Барахова, И. Переориентация внешнеполитического курса монархии Габсбургов (1866—1871) // И. Барахова // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. Москва : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 106—131.
3. Бисмарк, О. Мысли и воспоминания : в 3 т. / О. Бисмарк ; пер. с нем. под ред. Л. С. Ерусалимского. Москва : Гос. соц.-экон. изд-во, 1940—1941.
4. Возобновленный тройственный союз и общая политика в Европе // Вестник Европы. 1902. № 8.
5. Ежемесячная Хроника истории, политики, литературы // Вестник Европы. 1867. № 8.
6. Ежемесячная Хроника. // Вестник Европы. 1868. № 9.
7. Заметка славянского благотворительного общества в Болгарии о македонском вопросе // Вестник Европы. 1903. № 10.
8. Иностранная политика (ИП): современная политическая роль Германии // Вестник Европы. 1876. № 6.
9. Иностранная политика: австро-венгерские дела // Вестник Европы. 1879. № 9.
10. Иностранная политика: восточная политика Австрии и финансовый кризис в Константинополе. // Вестник Европы. 1881. № 12.
11. Иностранная политика: политика «легкого сердца» и славянские дела // Вестник Европы. 1882. № 3.
12. Кашинцев И. По поводу македонского вопроса: письмо из Софии // Вестник Европы. 1902. № 9.
13. Ковалевский, М. М. Судьба Балкан / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. 1913. № 1.
14. Корреспонденция из Вены: Австрия и Балканские славяне // Вестник Европы. 1882. № 5.

15. Корреспонденция из Вены: рабочий вопрос в Австрийском парламенте // Вестник Европы. 1883. № 7.
16. Несколько слов по поводу Южно-славянского вопроса // Вестник Европы. 1876. № 10.
17. Первольф, О. О. Хроника: мадьяры и восточный вопрос. Ч. I / О. О. Первольф // Вестник Европы. 1877. № 9.
18. Первольф, О. О. Хроника: мадьяры и восточный вопрос. Ч. II — Окончание / О. О. Первольф // Вестник Европы. 1877. № 10.
19. Политика Австрии // Вестник Европы. 1869. № 10.
20. Политические заметки: Австрия, Германия и славяне. Ч. I // Вестник Европы. 1881. № 4.
21. Политические заметки: Австрия, Германия и славяне. Ч. II // Вестник Европы. 1881. № 5.
22. Пыпин, А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. 1878. № 10.
23. Слонимский, Л. З. Балканские дела и русская политика: письмо из Софии / Л. З. Слонимский // Вестник Европы. 1910. № 8.

Сведения об авторе

Хасанов Руслан Ринатович — бакалавр 4-го года обучения исторического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия. rkh1867@gmail.com

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 42—54.

Transformation of image of Austro-Hungarian foreign policy in the magazine “Vestnik Evropy” (1867—1914)

R.R. Khasanov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia. rkh1867@gmail.com

The largest Russian literary magazine *Vestnik Evropy* contains a lot of information about European politics. The author refers to its materials, examining in detail the evolution of the image of the foreign policy of the dual monarchy. The work proposes a detailed periodization. It shows the transformation of ideas over 50 years with quite unexpected turns. In different periods of time there were radically different opinions on the effectiveness of Austria's foreign policy and its independence. There were opposing assessments of the activities of Austrian Foreign Ministers as well as the nature of the interaction of the Danube monarchy with Russia. The elements of the image, which could be seen by the beginning of 1914, were mainly formed in 1888-1900, although they underwent a significant transformation in the 1900s. The article shows that the ideas about the Austrian foreign policy and the domestic policy were being transformed in a different way in the magazine.

Keywords: *Vestnik Evropy, Austria-Hungary, literary magazine, external politics, imagology.*

References

1. *Inostrannoe obozrenie (IO) “Vestnika Evropy”* [Foreign Review (FR) of “Vestnik Evropy”], 1869, no. 10, 11; 1871, no. 9, 12; 1872, no. 1; 1882, no. 12; 1883, no. 3, no. 5, no. 9, no. 11; 1884, no. 1, no. 3, no. 9, no. 10; 1885, no. 1, no. 9, no. 11, no. 12; 1886, no. 3; 1887, no. 9, no. 11; 1888, no. 1-3, no. 6, no. 11; 1889, no. 2, no. 4, no. 8; 1890, no. 1; 1891, no. 5, no. 11; 1892, no. 7; 1893, no. 7; 1894, no. 4, no. 12; 1895, no. 6; 1896, no. 1, no. 7-9; 1897, no. 5, no. 12; 1900, no. 5; 1901, no. 9; 1902, no. 6, no. 9; 1903, no. 5, no. 10; 1904, no. 1, no. 5; 1905, no. 1; 1906, no. 11; 1907, no. 5, no. 6, no. 11; 1912, no. 3; 1913, no. 1, no. 7. (In Russ.).
2. Barakhova I. Pereorientatsiya vneshnepoliticheskogo kursa monarkhii Gabsburgov (1866—1871) [Reorientation of the foreign policy of Habsburg Monarchy (1866—1871)]. *Avstro-Vengriya: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Austria-Hungary: Experience of a Multinational State]. Moscow, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1995. Pp. 106—131. (In Russ.).
3. Bismark O. *Mysli i vospominaniya: v 3 t.* [Thoughts and Recalls: in 3 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1940—1941. (In Russ.).
4. Ezhemesyachnaya Khronika [Monthly Chronicle]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1868, no. 9. (In Russ.).

5. Ezhemesyachnaya Khronika istorii, politiki, literatury [Monthly Chronicle of History, Politics and Literature]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1867, no. 8. (In Russ.).
6. Inostrannaya politika: Avstro-vengerskie dela [Foreign politics: Austro-hungarian affairs]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1879, no. 9. (In Russ.).
7. Inostrannaya politika: Politika “legkogo serdtsa” i slavyanskije dela [Foreign politics: Politics of “light hearts” and Slavic affairs]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1882, no. 3. (In Russ.).
8. Inostrannaya politika: Sovremennaya politicheskaya rol’ Germanii [Foreign politics: Modern Political role of Germany]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1876, no. 6. (In Russ.).
9. Inostrannaya politika: Vostochnaya politika Avstrii i finansovyi krizis v Konstantinopole [Foreign politics: Austrian Eastern politics and financial crisis in Constantinople]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1881, no. 12. (In Russ.).
10. Kashintsev I. Po povodu makedonskogo voprosa: pis’mo iz Sofii [On Macedonian question: a Letter from Sofia]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1902, no. 9. (In Russ.).
11. Korrespondentsiya iz Veny: Avstriya i Balkanskije slavyane [Correspondence from Vienna: Austria and Balkan Slavs]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1882, no. 5. (In Russ.).
12. Korrespondentsiya iz Veny: Rabochii vopros v Avstriiskom parlamente [Correspondence from Vienna: Labor question in Austrian parliament]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1883, no. 7. (In Russ.).
13. Kovalevskii M.M. Sud’ba Balkan [Fate of the Balkans]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1913, no. 1. (In Russ.).
14. Neskol’ko slov po povodu Yuzhno-slavyanskogo voprosa [A Few Words on Southern Slavic question]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1876, no. 10. (In Russ.).
15. Pervol’f O.O. Khronika: mad’yary i vostochnyi vopros. Ch. I [Chronicle: Magyars and the Eastern question. Pt. I]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1877, no. 9. (In Russ.).
16. Pervol’f O.O. Khronika: mad’yary i vostochnyi vopros. Ch. II — Okonchanie [Chronicle: Magyars and the Eastern question. Pt. II]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1877, no. 10. (In Russ.).
17. Politicheskie zametki: Avstriya, Germaniya i slavyane. Ch. I [Political notes: Austria, Germany and the Slavs: Pt. I]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1881, no. 4. (In Russ.).
18. Politicheskie zametki: Avstriya, Germaniya i slavyane. Ch. II [Political notes: Austria, Germany and the Slavs: Pt. II]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1881, no. 5. (In Russ.).
19. Politika Avstrii [Austrian Politics]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1869, no. 10. (In Russ.).
20. Pypin A.N. Panslavizm v proshlom i nastoyashchem [Panslavism in the past and today]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1878, no. 10. (In Russ.).
21. Slonimskii L.Z. Balkanskije dela i russkaya politika: pis’mo iz Sofii [Balkan Affairs and Russian politics: A Letter from Sofia]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1910, no. 8. (In Russ.).
22. Vozobnovlenniy troistvennyy soyuz i obshchaya politika v Evrope [Renewed Triple Alliance and common politics in Europe]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1902, no. 8. (In Russ.).
23. Zametka slavyanskogo blagotvoritel’nogo obshchestva v Bolgarii o makedonskom voprose [Note of Slavic charitable society in Bulgaria on Macedonian question]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1903, no. 10. (In Russ.).